

ПЕРЕКРЕСТКИ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Д. Е. МАРТЫНОВ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, СИНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И КОНФУЦИАНСТВО

В статье рассмотрено поле исследований по интеллектуальной истории Китая в первом десятилетии XXI века. Ситуация сложилась так, что до сих пор история китайской философии и интеллектуальная история Китая являются совпадающими понятиями. Базовый набор персоналий и исследуемых систем мысли сложился в 1920-е гг. и пересматривается чрезвычайно медленно.

Ключевые слова: Конфуцианство, неоконфуцианство, Лян Ци-чао, Кан Ю-вэй.

В начале XIX века китайский философ Чжан Сюэ-чэн¹ выдвинул знаменитую максиму «Шестиканоние [есть] вся история» (*Лю-цзин цзе ши* 六經皆史). «Шестиканоние», наряду с «Четверокнижием» (*Си-шу* 四書), являлось основой интеллектуального багажа любого конфуцианского учёного. Н.Я. Бичурин² – первый русский китаевед, получивший общеевропейскую известность, полагал, что человек, способный читать «Четверокнижие», сможет понимать любой другой китайский текст. Славословиями обоим наборам текстов пестрит творчество любого китайского интеллектуала до начала XX века. Наконец, в 1816 г. вышло первое издание *Ши сань цзин чжу шу* («Тринадцать канонов с комментариями и толкованиями», 十三經注疏) Жуань Юаня (阮元, 1764–1849), которое сделалось нормативным и переиздаётся до сих пор³. Эти набо-

¹ Чжан Сюэ-чэн (章學誠, 1738–1801) – историк, филолог и философ. Основное сочинение – «Проникновение в смыслы истории и литературы» (*Вэнь ши тун и文史通義*), изданное посмертно (1832). Систему Чжана его биограф Д. Нивисон сравнивал с гегельянской, а разработку теории культуры – с наследием Д. Вико (*Nivison*. 1966. P. 1). Умер в полном забвении, но с начала XX в. стал весьма популярным.

² В монашестве – Иакинф (1777–1853). Его переводы «Четверокнижия», впервые выполненные с китайского оригинала, остаются неизданными.

³ Концепция 13 канонов (включая «Четверокнижие» и «Шестиканоние», древнейшие словари и др.) со сводкой авторитетных комментариев, отображающих эволюцию философской мысли конфуцианства, сформировалась к началу XVI в. При воцарении маньчжурской династии в 1644 г. такое издание стало политической потребностью – частью официальной политики единомыслия, и предпринималось несколько раз. Компендиум Жуань Юаня, впервые осуществлённый в Наньчане (про-

ры текстов были также основой системы государственных экзаменов – главного и единственного способа сделать карьеру в старом Китае; эти же наборы ставили границы интеллектуальным устремлениям китайской интеллигенции.

Между тем, фразу Чжан Сюэ-чэна можно понимать двояко. Первый вариант истолкования – модернизирующий, предложенный Хирому Момосэ в энциклопедии «Выдающиеся китайцы эпохи Цин»⁴. В его интерпретации Чжан Сюэ-чэн заявил, что конфуцианские канонические тексты не следует рассматривать как хранилище некоей вечной, вневременной мудрости; они были созданы в определённое время, и все действия и речи персонажей канона следует рассматривать в историческом контексте. Второй вариант – буквальный, исходя из роли конфуцианского канона во времена Чжана. Иное дело, что именно вопросы исторического исследования канона стали определяющими для тематики научных исследований в Китае на всём протяжении XVIII–XIX вв. Этот период стал переломным для эволюции китайской традиционной мысли. Потребовалось чуть более века, чтобы традиционная философия, излагаемая на полуконфуцианском языке *вэньянь*, была официально отправлена «на свалку современности» деятелями «Движения за новую культуру». Далее оказалось, что несмотря на мощнейшую атаку на позиции конфуцианства со стороны буддизма, сциентизма, и разнообразных левых идеологий (особенно анархо-коммунизма), в современной интеллектуальной истории по-прежнему господствует современное конфуцианство.

Характерно, что «модные» течения в гуманитарии второй половины XX в. затронули китаеведческие дисциплины в минимальной степени, но потенциальная «угроза» для них в контексте интеллектуальной истории сохраняется⁵. Речь в первую очередь идёт о понимании границ субъективного и неразличении «объективных» текстов – исторических, политических, и т.д. – и художественной литературы. Более того, «объективность» как культурная конструкция сама по себе стала объектом анализа⁶. В этой связи встаёт большое количество «неудобных» вопросов, связанных с самыми элементарными исследовательскими процедурами гуманитария. Очевидно, что выбор определённых исторических

винция Цзянси, губернатором которой был Жуань Юань), переиздавался более 20 раз (последнее известное нам издание – 1997 г.). В основе его – набор авторитетных комментариев, составленный ещё в правление южной династии Сун (1127–1279).

⁴ *Hiroum.* 1943. P. 38–41.

⁵ *Elman.* 2010. P. 372.

⁶ Вопрос об этом был поставлен Х. Уайтом.

событий или лиц как предмета исследования историка в процедурном отношении ничем не отличаются от деятельности автора исторического романа. Далее начинается специфика предмета.

Социально-этическая ориентация всех направлений традиционной китайской мысли – не одного только конфуцианства – требовала постоянного самоусовершенствования всего мира и населявших его людей. История в буквальном смысле превращалась в учителя жизни. Но если конечной целью античной историографии (породившей формулу *historia est magistra vitae*) было описание событий с элементами анализа, что позволяло при желании сделать логически вытекающие из предпосылок выводы и тем самым предостеречь читателя в будущем⁷. Напротив, писал Л.С. Васильев: «Рационалистически мыслявшие китайцы с их похожим на античное отношением к религии⁸ делали в своих историографических сочинениях прямо противоположный акцент. Их тексты были насыщены дидактикой настолько, что порой превращались в нечто вроде учебника, рассчитанного на нерадивого ученика, которому надлежит вы зубрить отрывок из хрестоматии⁹. Спецификой китайских текстов, в том числе и исторических сочинений, была их нарочитая заданность. Утилитарные выводы из средства (анализ с назидательным уклоном) в них обычно превращались в цель, т.е. история становилась надёжным инструментом для воспеания всего достойного подражания и осуждения всего недостойного»¹⁰. В этом плане современные исследования в области общественной мысли и интеллектуальной истории, созданные в Китае и на Тайване, мало отличаются, по своему наполнению, по тому *message*, который они несут, от текстов, созданных за два столетия (а хотя бы и два тысячелетия) до того в русле древней традиции на архаичном языке. В этом плане очень характерно, что западные синологи, которые во всех отношениях

⁷ Р. Коллингвуд, справедливо именуется Геродота и Фукидида «автобиографами» своего времени. Ставя научные вопросы, они оставались носителями своего общественного сознания, которому был присущ антиисторизм, что парадоксально определяло антиисторизм античной историографии (Коллингвуд. 1980. С. 20–23).

⁸ Своего рода «двоемыслие»: почитаемые боги и духовные сущности занимали важное место в общественном процессе, но как только заходила речь о проблемах, требующих серьёзного и даже рискованного интеллектуального напряжения, эти сущности отстранялись, так сказать, «выносились за скобки».

⁹ Ср. с высказываниями В.А. Рубина о текстах древнекитайской школы моистов (V–III вв. до н.э.): «Мо-цзы как будто рассчитывает на неумного слушателя, которому нужно до конца разжевать каждое положение, чтобы он хоть что-то понял» (Рубин. 1999. С. 27).

¹⁰ Васильев. 1995. С. 6–7.

зависят от китайской издательской и комментаторской традиции чуть ли не от самого возникновения синологии как науки (в начале XVII в.), тем не менее, как правило, игнорируют достижения китайской интеллектуальной истории, что доказывается и числом переведённых на китайский язык исследований западных авторов, но не наоборот¹¹. Тем не менее, в Пекине и в Тайбэе издаются многотомные компендиумы под контролем правительственных историографических комиссий, которые интересуют западных и российских сиологов, как правило, с сугубо фактологической точки зрения. Используемые ими методы критикуются как «анахронизм», несмотря на то, что западная историография, приступая к освоению проблемного поля Китая, сама сталкивается с массой проблем.

Одной из них является телеологическое восприятие исторических и социальных процессов, частный случай которого – интерпретация социального и интеллектуального времени. История идей, как и социальная история, использует в качестве универсального критерия современность. Сложности начинаются в случае быстрой модернизации, предугадать которую в принципе невозможно. Естественно, что и позиция исследователя напрямую зависит от того, *какое именно* настоящее он использует для познания прошлого. Начиная с XVIII в., когда Китай был в экономическом и военном отношении слабее Европы, распространился образ «мумии, завёрнутой в шёлк и исписанной иероглифами» (И. Гердер)¹². Естественно, что корни отсталости искали в господствующей идеологии – конфуцианстве; не менее характерно, что все подходы, рассматривающие конфуцианство как тормоз на пути прогресса, были предельно социологизированы¹³. Такие взгляды высказывались Гердером и Гегелем в XVIII–XIX вв., и М. Вебером в начале XX в. Парадоксально, что в 1979 г. швейцарский синолог Ж.-Ф. Биллетер высказывался в том же духе, хотя ни традиционного Китая, ни мандаринов-чиновников не существовало. М. Вебер в статье «Политика как призвание и как профессия» напрямую связывал конфуциански образованных китайских бюрократов с гуманистами эпохи Возрождения, и писал, что «подобной была бы и наша судьба, имей гуманисты в своё время хотя бы малейший шанс добиться такого же признания»¹⁴. Биллетер обратным образом связывал понимание

¹¹ См.: Кобзев. 2006. С. 33–42.

¹² Долгие годы восприятием Китая в Европе эпохи Просвещения занималась О.Л. Фишман. См. её монографию: *Фишман*. 2003.

¹³ На это обратил внимание А.И. Кобзев, давший весьма подробный разбор восприятия конфуцианства в западной и китайской мысли: *Кобзев*. 2002. С. 5–49.

¹⁴ *Вебер*. 1990. С. 663.

роли и статуса мандаринов в Китае XI–XIX вв. с их идеологией – неоконфуцианством, и прямо называл его «одной из самых монументальных руин в интеллектуальной истории»¹⁵. Произошло уникальное в мировой истории сращивание социологии, экономики и идеологии в одной точке – мандарины были классом открытым и при этом открыто привилегированным, а его идеология, будучи классово ограниченной, выражала универсальную рациональность. Система государственных экзаменов, с которой мы начали изложение, привела к тому, что основной общественной ценностью стал символический, а не экономический капитал, т.е. знания и моральные качества, легко конвертируемые в капитал экономический¹⁶. Утратив в период господства монгольской династии (Юань, 1280–1368) монополию на власть и идеологию, неоконфуцианство в XIV–XIX вв. приобрело авторитарный характер, во-первых, потому, что антимеркантилизм позволял быстрее восстановить утраченные ранее позиции, во-вторых, из-за того, что официальная идеология копировала авторитарные черты использовавшей её императорской власти. Так появилось противостояние авторитарного государственного конфуцианства и частного конфуцианства, не связанного с политическими целями. Таким образом, Биллетер, начав с мысли о неоконфуцианстве как мощном социально-детерминирующем факторе, напротив, редуцировал основные этапы его эволюции к радикальным социальным сдвигам¹⁷.

Декларированная сдача конфуцианства в утиль была поставлена под большое сомнение публикацией в 1958 г. «Манифеста китайской культуры людям мира» (*Вэй Чжунго вэньхуа цзингао шицзе жэньши сюаньянь* 为中国文化敬告世界人士宣言). Однако возникшая коллизия резко усложнила дефиницию модернизации применительно к китайским условиям. Обще-принятым стало представление о начале сознательной вестернизации после Тайпинской революции (太平革命, 1850–1864). Формы вестернизации определить сложно, ибо от историка требуется расширить объект анализа от сферы мышления до экономики. Конфуцианство и элементы традиции становятся на этом пути камнем преткновения: если рассматривать его с позиций М. Вебера и Ж. Биллетера, тогда оно является главным препятствием на пути Китая к современности; но если основываться на работах современных тайваньских конфуцианцев, именно конфуцианство позволило китайцам войти в современность, оставаясь при этом китайцами. В

¹⁵ Billeter. 1979. P. 22.

¹⁶ Ibidem. Ср., однако, с теориями Л.С. Васильева о «власти-собственности» (Васильев. 2000).

¹⁷ Кобзев. 2002. С. 31–32.

результате уже третье поколение китаистов спорят о положительной или отрицательной роли китайской традиции в контексте модернизации, но бурные успехи китайских реформ и решительный переход Китайской Народной Республики на западный рыночный путь развития (с сохранением «красного» фасада¹⁸), показали несостоятельность любых теорий, претендующих на предсказания, неважно, опирающихся на китайскую традицию или отрицающих её¹⁹.

Всё это совершенно не случайно. Как справедливо отмечал Б. Элман, «то, что сегодня именуется “китайской интеллектуальной историей” есть ухудшенная версия истории китайской философии»²⁰. Базовая модель такой истории была создана в 1920-е гг. усилиями двух выдающихся китайских мыслителей новейшей эпохи – Лян Ци-чао²¹ и Ху Ши²². На их концепцию сильнейшее воздействие оказала немецкая *geistgeschichte*, неизбежно – в упрощённой форме. Для иллюстрации метода приведём выдержку из 26-й главы «Очерка учений династии Цин»:

«Хроническими недугами китайской мысли (中国思想) были, [во-первых], чрезмерная любовь к цитированию [древних] (好依傍) и, [во-вторых], неразличение имени и сущности (名实混淆). <...> Таковы были цинские

¹⁸ Леонард. 2009.

¹⁹ В цитированной выше статье Б. Элмана рассмотрена неработоспособность популярных на Западе функционалистских подходов на примере теории связи культурного и экономического капитала П. Бурдьё. Данная теория может быть использована на китайском материале только механически, поскольку основывалась на североафриканском эмпирическом материале. Место не позволяет остановиться на этом подробнее. См.: *Elman*. 2010. P. 374–376.

²⁰ *Elman*. 2010. P. 376.

²¹ Лян Ци-чао (梁启超, 1873–1929) – выдающийся китайский философ. Один из основоположников политического либерализма в Китае, автор многочисленных исторических и политологических трудов. В «Очерке учений династии Цин» (*Циндай сюэшу зайлунь*, 清代學術概論, 1920), представил первый целостный труд по истории китайской философии XVII–XIX вв. Считается основоположником «историографической революции» в Китае. По мнению А.И. Кобзева, его творчество «сыграло роль своеобразного шлюза при переходе конфуцианства в стадию нового конфуцианства и всей традиционной китайской культуры в совершенно новую эпоху модернизации» (*Кобзев*. 2006. С. 335).

²² Ху Ши (胡適, 1891–1962). Окончил Корнеллский и Колумбийский ун-ты (США), ученик Дж. Дьюи – теоретика философии прагматизма. Полагал, что будущее Китая – в приобщении к ценностям западной цивилизации, в том числе разумного эгоизма и индивидуализма (приводя в пример героев Г. Ибсена), демократии и сциентизма. В то же время никогда не выступал против конфуцианства, считая возможным его возрождение в новых условиях, «если оно покажется полезным и выгодным». Как социолог, считал общество скоплением случайных индивидов, которые нуждаются в воспитании и наставлении, осуществляемых «выдающимися личностями».

конфуцианцы, например, Янь Юань²³, близкий в своих рассуждениях к Мо-[цзы], но всё же выводивший его взгляды от Конфуция; идеи Дай Чжэня были полностью западными [в своей основе], но всё же он выводил их из Конфуция. Учение Кан Ю-вэя о Великом Единении было полностью оригинальным, но всё же он выводил его из конфуцианского. Почему Конфуций был вынужден ссылаться на древность, предлагая идею изменения правления? почему все мыслители принуждены ссылаться на древность? Это и есть смешение имени и сущности и зависимость от цитирования. Если корни этих хронических недугов не вырвать, невозможно добиться свободы мысли»²⁴.

С упоминаемым в данном отрывке Дай Чжэнем²⁵ произошло следующее. Поскольку китайская интеллектуальная история, равно как история философии, основана на себе самой, процесс признания Дай Чжэня величайшим китайским философом XVIII века затянулся, хотя впервые его статус пытались поднять и Ху Ши (особенно), и Лян Ци-чао. В 1976 г. в Гонконге вышла книга Юй Ин-ши²⁶, которая окончательно вписала наследие Дай Чжэня в контекст научной методологии, *оставив его в проблемном поле неоконфуцианства*. Неоконфуцианская интерпретация его творчества оказалась настолько прочной и влиятельной, что вызвала – обратным рикошетом – на Западе внимание к его работам по астрономии и математике, но не к филологическим изысканиям, которые показывают, что, оставаясь неоконфуцианским мыслителем, он бросил решительный

²³ Янь Юань (顏元, 1635–1704) – философ и медик. Довёл до логического завершения присущий китайской философии холистический натурализм, утверждая, что человек, синтезирующий в своей «доброй природе» «небесное предопределение», становится действенным фактором осуществления не только социокультурных норм и ценностей, но и космического порядка. Апология человеческой витальности привела к отказу от характерного для ортодоксального конфуцианства противопоставления «долга» (и 義 «пользе/выгоде» (利 利). Осуществление их единства, синтезирующего этику с прагматикой, должно было превращать человека из «изменяемого миром» в «изменяющего мир». Изменять мир Янь Юань предполагал с помощью реставрации трех основ общественного устройства легендарной древности (уравнительное землепользование, ограничение самодержавия и ориентация образования на практические нужды). Программа, сформулированная как возврат к прошлому, была нацелена на реформирование современности (Кобзев. 2006. С. 650).

²⁴ Лян Ци-чао. 1998. С. 89–90. Ср. с анализом: Алексеев. 2003. С. 320–355.

²⁵ Дай Чжэнь (戴震, 1724–1777). Основатель одной из двух ветвей так называемого «ханьского учения», активно занимался математикой, астрономией, географией, лингвистикой и историей. Основой его методологии было «доказательное исследование» (考據 или 考證) – экспликация идей на анализе выражающих их терминов.

²⁶ Юй Ин-ши. 1976.

вызов самим основам неоконфуцианского дискурса, хотя и участвовал в составлении официальной библиотеки-серии *Сы ку цюань шу*²⁷.

Сведение интеллектуальной истории Китая к эволюции направлений конфуцианства достигается аналогично упрощённому экономическому детерминизму в СССР рубежа 1920–1930-х гг. Тем не менее, очевидно, что если мы исследуем интеллигенцию, то не можем полностью отстраниться от личностного фактора, а представителям интеллигенции свойственно реагировать на важнейшие социальные, политические и экономические изменения далеко не самым тривиальным образом. Для новой и новейшей истории Китая знаковыми фигурами являются деятели конца эпохи Мин, начала Цин – Ван Фу-чжи (王夫之, 1619–1692), Гу Янь-у (顧炎武, 1613–1682) или Хуан Цзун-си (黃宗羲, 1610–1695). Все они так или иначе участвовали в антиманьчжурской борьбе, но их «ответ» был совершенно различным – только Гу Янь-у встал на путь активного сопротивления, за что неоднократно подвергался репрессиям, остальные находили выход во «внутренней эмиграции» и потаённом интеллектуальном творчестве, которое было оценено три века спустя²⁸. Исторический контекст никак не может объяснить их конкретных действий, хотя и позволяет понять основные мотивы в их творчестве. Равным образом, объяснить деятельность Ху Ши или одного из основателей Коммунистической партии Китая – Чэнь Ду-сю (陳獨秀, 1879–1942) только лишь их разочарованием действиями республиканцев после падения династии Цин никак не удастся. Зато самоубийство Ван Го-вэй²⁹ было вполне традиционным ответом китайского книжника на политический хаос, который почитался как наихудшее из всех возможных бедствий.

Укажем на примечательную аберрацию. В результате работы Лян Ци-чао и Ху Ши сложился вполне традиционный для китайской культу-

²⁷ Сы ку цюань шу (四庫全書, «Полное собрание книг по четырём разделам») – образцовая книжная серия, которая одновременно исполняла роль императорской библиотеки, а также была рекомендуемым кругом чтения интеллектуала на государственной службе. Работы по составлению (отбору и цензуре книг) шли в 1773–1782 гг. Окончательно свод включал 3461 сочинение в 36381 томе (ок. 800 млн иероглифов).

²⁸ *Кобзев*. 2002. С. 401–428.

²⁹ Ван Го-вэй (王國維, 1877–1927) – китайский гуманитарий-универсал: историк, филолог, фольклорист, исследователь эпиграфики (один из первых дешифровщиков древнейшей китайской письменности), первый историк китайского театра, и т.д. Первый в Китае исследователь творчества и переводчик Шопенгауэра и Ницше, с позиций которых критиковал традиционную китайскую философию. После революции 1911 г. отрёкся от западной философии, перешёл на ультраконсервативные позиции. После захвата Пекина революционными войсками в 1927 г. покончил с собой традиционным способом – утопился в дворцовом пруду.

ры «нормативный набор» культурных героев – одновременно философов и политических деятелей, связанный, опять-таки с развитием современного общества, как его понимали в то время, и политическими пертурбациями. Об этом наборе можно судить хотя бы по китайскому учебнику для аспирантов 1980 г., который был переведён на русский язык в 1989 г. В.С. Таскиным с послесловием директора Института Дальнего Востока АН СССР М.Л. Титаренко³⁰. Круг персоналий, безусловно, уже, чем описанный в «Очерке учений династии Цин», но главное здесь в другом. Главным содержанием интеллектуального небосклона Китая признавалось и в 1920-е, и в 1980-е гг., и сейчас – борьба ханьской и сунской школ конфуцианства, выразившаяся в возрождении школы «современных знаков»³¹. Укоренившийся с начала XX в. линейный исторический нарратив³² поставил в центр истории Китая эпохи Поздней Цин (примерно, 1840–1910-е гг.) Движение за реформы 1898 г. (*у-суй бянь фа* 戊戌變法), самыми яркими деятелями которого были Кан Ю-вэй (康有為, 1858–1927) и сам Лян Ци-чао, и Тань Сы-тун, и мн. др. В числе их предшественников обычно называют Вэй Юаня (魏源, 1794–1857) и Гун Цзы-чжэня (龔自珍, 1792–1841). В таком порядке они перечислены в «Истории китайской философии» и в «Очерке учений династии Цин». На Западе эта схема укоренилась с издания работ Джозефа Левенсона (1920–1969)³³.

Это явление хорошо известно и порождено всё той же зависимостью западных китаеведов от китайской интеллектуальной (комментаторской в своей основе) традиции. При такой постановке вопроса в «тени» оказывается Чанчжоуская школа и роль, сыгранная в проблеме «современных знаков» её ярчайшими представителями – Чжуан Цунь-юем (莊存與, 1719–1788) и Лю Фэн-лу (劉逢祿, 1776–1829). Пересмотр её роли и тем самым ревизию представлений об интеллектуальном пространстве Китая произвёл в 1990 г. Б. Элман публикацией своей монографии «Классицизм, политика и родство»³⁴. В 2009 г. Элман опубликовал статью, в которой опи-

³⁰ История китайской философии. 1989.

³¹ Разъяснение этой проблематики слишком далеко увело бы нас в сторону. См.: Кобзев. 2006. С. 529–532.

³² Заметим, что ещё в 1902 г. Чжан Бин-линь (章炳麟, именуемый также Чжан Тай-янь 章太炎, 1869–1936), собираясь писать «Всеобщую историю Китая» (*Чжунго тунши* 中國通史), принципиально использовал китайский дискретный сюжетный метод, считая его более научным, чем западный линейный хронологический. Написать грандиозный труд – в 100 частях, около 700 тыс. иероглифов, – ему так и не удалось, однако сохранился проспект для издателя (*Каюжняя*. 1995. С. 63–64).

³³ Levenson. 1969.

³⁴ Elman. 1990.

сывал, что коллизия, аналогичная отношениям Кан Ю-вэй, реформаторов и императора Гуансюя имела место, по крайней мере, сотней лет ранее³⁵. Оказалось, что политическое противостояние стареющего императорского секретаря Чжуан Цунь-юя и набирающего политический вес Хэ-шэня (和珅 1746–1799)³⁶ самым прямым образом сказалось на содержании комментариев к конфуцианскому канону, создаваемых в 1780-е гг. Однако в утвердившейся традиции их упоминают в лучшем случае одним абзацем как предшественников реформаторского движения. Лю Фэн-лу известен несколько больше, будучи учителем Гун Цзы-чжэня³⁷.

Если попытаться вырваться за пределы современного статуса вышеназванных персон (статуса, конвенционального по своему характеру) и посмотреть на *действительный* политический, социальный и интеллектуальный статус всех перечисленных персон, обнаружатся весьма примечательные вещи:

Гун Цзы-чжэнь. В 37-летнем возрасте получил высшую учёную степень, состоял на гражданской службе, но не получил известности. Его теоретические взгляды никогда не были систематизированы, а первые сборники трудов были опубликованы только после смерти.

Вэй Юань. Удостоился высшей учёной степени в 50 лет, также не получил известности, состоя на службе. При жизни публиковались только пропагандистские сочинения – «Записки о священной войне» (聖武記 1842) и «Картографированное описание заморских государств» (海國圖志, 1849). Основные труды, в которых отразились его теоретические взгляды, были впервые изданы в 1878 г., после его смерти.

Кан Ю-вэй. Удостоился высшей учёной степени в 40 лет с третьей попытки. Получил незначительную должность в министерстве общественных работ, но не служил. Во время Движения за реформы 1898 г. не занимал никаких официальных постов. Основные его теоретические труды в 1898–1917 гг. оставались под запретом и не издавались в Китае, будучи доступны в периодических изданиях эмигрантов. Magnum opus –

³⁵ Elman. 2009. P. 59–63, 140.

³⁶ Хэ-шэнь (和珅 1746–1799) – фаворит императора Цяньлуна (弘曆 правил в 1735–1796) и его зять, один из наиболее одиозных коррупционеров в китайской истории. Конфискованное у него имущество было оценено как равное сумме государственных доходов за восемь лет.

³⁷ Такого подхода не избежал даже А.И. Кобзев – автор наиболее фундаментального обобщающего труда по истории неоконфуцианства на русском языке (Кобзев. 2002). Отсутствуют соответствующие статьи и в энциклопедии «Духовная культура Китая».

«Книга о Великом единении» (*Да тун шу* 大同書), опубликован посмертно в 1935 г. Полные собрания сочинений издавались в 1987 и 2007 гг.

Лян Ци-чао. В 13-летнем возрасте удостоился первой учёной степени, в 16-летнем – второй. После провала на экзаменах на высшую степень в 22-летнем возрасте более никогда не пытался её получить. Политическая карьера его была непродолжительна и началась в результате Синьхайской революции (1911 г.). Основная масса сочинений носит публицистический характер, они публиковались в разных периодических изданиях; монографические издания также невелики по объёму. Собрание сочинений издано посмертно, в 1936 г.

Тань Сы-тун (譚嗣同, 1865–1898). Не продвинулся далее первой конфуцианской учёной степени, служил разъездным чиновником и провинциальным магистратом. Во время Движения за реформы 1898 г. был назначен сверхштатным секретарём Императорского совета, осуществляя связь между особой монарха и штабом реформаторов. После переворота, организованного Юань Ши-каем (袁世凱) и императрицей-матерью, казнён. Сочинения изданы Лян Ци-чао в эмиграции.

Чжан Бин-линь (Чжан Тай-янь). Из-за нервного расстройства в 16-летнем возрасте не смог участвовать в государственных экзаменах, и более не пытался их сдавать. До 1911 г. попеременно жил в Китае и в Японии, зарабатывая на жизнь политической публицистикой. Принципиально писал на архаизированном языке «тёмным стилем», используя только иероглифы, зафиксированные в словарях до эпохи Тан (618–907 гг.)³⁸. В 1903–1906 гг. находился в заключении из-за антиправительственной статьи. После революции попытался поступить на государственную службу, но в результате поссорился с президентом Юань Ши-каем и в 1913–1916 гг. вновь был в заключении, пытался покончить с собой традиционным способом – уморив себя голодом. Далее активно занимался культурно-просветительской деятельностью. При жизни сам составил и выпустил четыре собрания своих сочинений – преимущественно, статей, но и по сей день его наследие до конца не выявлено и не издано.

Янь Фу (嚴復, 1854–1921). Выдающийся переводчик, познакомивший образованных китайцев с творчеством А. Смита, Ш. Монтескьё, Т. Гексли, Дж. С. Милля. По бедности вынужден был поступить в военно-морское училище с преподаванием на английском языке, образование продолжал в Англии. Вернувшись в Китай в 1879 г. обнаружил свою полную невостребованность, служил в военно-морском училище и школе

³⁸ Калужная. 1995. С. 45.

переводчиков. В 1885–1895 гг. четыре раза пытался сдать государственные экзамены, и всякий раз неудачно³⁹. В 1898–1914 гг. выпустил ряд переводов-пересказов, оказавших на интеллигентную китайскую публику большое влияние. Переводил на архаизированный язык, напоминающий чжоуские классические тексты (XI–III вв. до н.э.). Накануне падения Цинской династии был привлечён на службу, получил звание контр-адмирала и высшую учёную степень (без сдачи экзаменов), стал автором гимна империи, утверждённого за несколько дней до начала революции. В 1911–1916 гг. находился на государственной службе, был депутатом парламента, готовил реставрацию монархии в Китае.

В результате придётся сделать категорическое заключение – сохранись в Китае традиционная историография, все перечисленные персоны едва ли бы оказались включены в анналы. Напротив, клан Чжуан из Чанчжоу в XVI–XIX вв. был мощной организацией, обладающей значительными интеллектуальными, политическими и административными ресурсами, оказывая влияние на общеимперскую политику⁴⁰. 29 представителей клана Чжуан были удостоены высшей учёной степени, из них одиннадцать вошли в состав Академии Ханьлинь (翰林院)⁴¹. Сам Чжуан Цунь-юй оказался вторым в списке выдержавших дворцовые экзамены 1745 г., а его младший брат Чжуан Пэй-инь – лучшим на экзаменах 1754 г. Родственный Чжуанам клан Лю произвёл тринадцать обладателей высшей учёной степени, и некоторые из них также были членами Академии Ханьлинь⁴². Совокупно кланы Чжуан и Лю дали

³⁹ Его биограф Б. Шварц писал: «Едва ли это может расцениваться как отражение недостаточной интеллектуальной одарённости Янь Фу или даже как свидетельство небрежности его китайских штудий. Это может просто говорить о неспособности Янь Фу полностью принять фантастически формалистичные правила и условности тогдашней системы. Несомненно, пережитые в эти годы унижения добавили горечи в его необыкновенно ожесточённые атаки на систему, предпринятые Янь Фу после 1895 года». *Schwartz*. 1964. P. 32.

⁴⁰ Подробно описано: *Elman*. 1990. P. 101–140.

⁴¹ Дословно «Лес кистей». Учреждение, совмещающее функции императорской канцелярии, цензурного комитета, историографической комиссии, идеологического комитета и государственной библиотеки. Члены Ханьлиня, как правило, совмещали высшие государственные должности и ежедневно общались с монархом по служебным надобностям.

⁴² Для сравнения: в клане Кан Ю-взя обладатель низшей учёной степени появился только в 1804 г. – его прадед Кан Вэнь-яо. Из 70-ти его потомков конфуцианские степени имели одиннадцать человек (включая деда и отца Кан Ю-взя), четырнадцать состояли на военной службе, и ещё девять стали чиновниками, не держа испытаний на учёную степень. См.: *Hsiao*. 1975. P. 5.

государству 42 человека, служивших в высших эшелонах власти. Пик их влияния пришёлся на период правления Цянь-лун, когда Лю Лунь получил место в Государственном совете – собственно, правительстве, а Чжуан Цунь-юй получил звание Великого секретаря и министра церемоний, он также преподавал конфуцианские науки наследным принцам. Тогда-то оба клана и породнились: сын Лю Луня – Лю Чжао-ян (1746–1803) женился на дочери Чжуан Цунь-юя. Их сыном был Лю Фэн-лу – ученик и продолжатель дела своего деда, но уже на уровне провинции⁴³. По мнению Б. Элмана, замыкание клана Чжуан – Лю на делах Чанчжоу и переход на позиции школы «современных знаков» теснейшим образом коррелируют друг с другом. Произошло это, очевидно, из-за того, что Цунь-юй был ближайшим соратником и другом всемогущего военного министра и канцлера Агуя (阿桂 1717–1797) и поссорился с Хэ-шэнем. Поскольку единственной возможностью для интеллектуального выражения в эпоху Цин были классические штудии, Цунь-юй зашифровал своё отношение к Хэ-шэню в форме нетрадиционной трактовки учения Конфуция, которую никогда не высказывал во время службы при дворе и даже не осмеливался публиковать при жизни. Здесь были причины личного свойства: в 1780 г. Агуй пригласил в Пекин племянника Цунь-юя – Шу-цзу, который успешно сдал дворцовый экзамен, дающий право сразу войти в члены Академии Ханьлин. Однако, Хэ-шэнь, опасаясь появления нового влиятельного союзника Агуя, вынул дело Чжуан Шу-цзу из папки с документами, которые представляли императору (он читал только сочинения трёх наиболее отличившихся кандидатов). Сам Лю Чжао-ян успешно сдал государственный экзамен в присутствии императора в 1784 г., но у себя дома – в Чанчжоу, во время императорского путешествия, и в Пекине никогда не появлялся. Влияние Хэ-шэня в Пекине в то время стало уже безраздельным, но власти в Чанчжоу он не имел. Открытое выступление против императорского любимца означало уничтожение всего клана, что и предопределило использование известного в Китае метода иносказания, когда научная теория строится исходя из политической ситуации (чем, кстати, широко пользовался Кан Ю-вэй). Между прочим, ученик Чжуан Цунь-юя (и женатый на представительнице его клана), Хун Лян-цзи после вступления на престол нового императора в 1799 г. направил ему письмо-увещевание против Хэ-шэня, что едва не стоило ему жизни⁴⁴.

⁴³ *Elman*. 2010. P. 381–383.

⁴⁴ *Elman*. 2010. P. 383–385.

Приведённая выше коллизия является далеко не единственной и показывает, что в условиях крайней теоретической неразберихи, которая царит в интеллектуальной истории Китая, вполне возможно работать с наследием конкретных персон, исподволь готовя «методологическую революцию» (по аналогии с революцией в китайской археологии, которая, начиная с конца 1970-х гг. привела едва ли не к полному пересмотру традиционных представлений о древнекитайском обществе, генезисе китайской государственности, цивилизации и общественной мысли). В этом плане характерно появление в 2000-е гг. исследований малоизвестных на Западе интеллектуалов разных направлений XVII–XIX вв., например, Жуань Юаня (阮元, 1764–1849)⁴⁵ или Чэнь Хун-моу (陳宏謀, 1696–1771)⁴⁶. В этих исследованиях предпринимаются попытки показать того же Чэнь Хун-моу, называвшего себя чжусианцем, как предтечу либерализма, своеобразного представителя «духа XVIII века в Китае», которому противостоял Жуань Юань – плодовитый учёный-антиквар и успешный чиновник. Напротив, историки Тайваня, Гонконга и Сингапура (а в самые последние годы и КНР) стремятся совместить конфуцианство с разработкой нетрадиционных теорий модернизации на Дальнем Востоке. В этом плане они развивают линию Кан Ю-взя, тщившегося совместить традиционные ценности с реалиями технократической цивилизации, для сохранения китайской идентичности в политической, социальной и даже экономической сфере. Тем не менее, традиционная точка зрения остаётся преобладающей, и стандартный набор исследуемых персон расширяется крайне медленно. Так и не пересмотрено толком отношение к Хуан Цзун-си как «китайскому Руссо» (термин Лян Ци-чао), а также к Янь Юаню как предшественнику прагматизма, «китайскому Дьюи» (определение Ху Ши). Ван Чуань-шань традиционно именуется зачинателем материализма в традиционной китайской мысли, и это после всех успехов в изучении тончайших структур классической китайской мысли.

Прервёмся на этом, ибо одно перечисление встающих проблем займёт немало объёма книги. Нам представляется, что синология как изначально междисциплинарная наука обладает сейчас достаточным фактическим материалом и адекватной методологической базой для совершения «картезианского переворота» в области интеллектуальной истории Китая. От прямых аналогий и механического перенесения тео-

⁴⁵ Peh-T'i Wei. 2006.

⁴⁶ Rowe. 2001.

ретических моделей необходимо переходить к воссозданию китайского интеллектуального пространства как генетически независимого мира, а не «зазеркалья Запада».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев В.М.* Учение Конфуция в китайском синтезе // Труды по китайской литературе. Кн. 2. М.: Вост. лит. 2003. С. 320–355.
- Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. I: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.). М.: Восточная литература РАН, 1995. 379 с.
- Васильев Л.С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 96–114.
- Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- История китайской философии: Пер. с китайск. В.С. Таскина / Общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. М.: Прогресс, 1989. 552 с.
- Калюжная Н.М.* Традиция и революция. Чжан Бинлинь (1869–1936) – китайский мыслитель и политический деятель Нового времени. М.: Упрполиграфиздат правительства Московской области, 1995. 342 с.
- Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература РАН, 2002. 606 с.
- Кобзев А.И.* Энциклопедия «Духовная культура Китая» как *summa sinologiae* // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. С. 33–42.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография / Пер. и ком. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 488 с.
- Леонард М.* О чём думают в Китае? / Пер. И. Кузнецова. М.: АСТ, 2009. 224 с.
- Рубин В.А.* Личность и власть в Древнем Китае: Собрание трудов. М.: Восточная литература РАН, 1999. 384 с.
- Сайт «Синология.ру» // URL: <http://www.synologia.ru/>
- Фишман О.Л.* Китай в Европе – миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 544 с.
- Billetter J.F.* Li Zhi, philosophe maudit (1527–1602). Contribution à une sociologie du mandarinat chinoise de la fin des Ming. Genève: Librairie Droz, 1979. 311 p.
- Elman B.* Classicism, Politics, and Kinship: The Ch'ang-chou School of New Text Confucianism in Late Imperial China. Berkeley: Univ. of California Press, 1990. 409 p.
- Elman B.* Qianlong wanqi Heshen, Zhuang Cunyu guanxi de chongxin kaocha 乾隆晚期珥琀庄存与关系的重新考察 = Reexamination of the relationship between Heshen and Zhuang Cunyu in the late Qianlong period // Fudan xuebao 复旦学报 (社会科学版) = Fudan Journal, Social Sciences. 2009. No. 3. P. 59–63, 140.
- Elman B.A.* The Failures of Contemporary Chinese Intellectual History // Eighteenth-Century Studies. 2010. Vol. 43, No 3. P. 371–391.
- Hirumi Momose.* Chang Hsueh-ch'eng // Eminent Chinese of the Ch'ing Period, 1644–1912 / Ed. by Arthur W. Hummel, Sr. Vol. 1. Washington: United States Government Printing Office, 1943. P. 38–41.
- Hsiao Kung-chuan.* A Modern China and a New World. K'ang Yu-wei, Reformer and Utopian, 1858–1927. Seattle, London: Univ. of Washington Press, 1975. 669 p.

- Levenson J.* Confucian China and its Modern Fate: A Trilogy. Berkeley: Univ. of California Press, 1968. 579 p.
- Nivison D.S.* The Life and Thought of Chang Hsieh-Ch'eng, 1738–1801. Stanford, Calif.: Stanford University Press 1966. 336 p.
- Peh-T'i Wei B.* Ruan Yuan, 1764–1849. The Life and Work of a Major Scholar-Official in Nineteenth-Century China before the Opium War. Hong Kong: Hong Kong Univ. Press, 2006. 392 p.
- Rowe W.T.* Saving the World: Chen Hongmou and Elite Consciousness in Eighteenth-Century China. Stanford: Stanford Univ. Press, 2001. 601 p.
- Schwartz B.I.* In Search of Wealth and Power: Yen Fu and the West. Cambridge (Mass.): Belknap Press of Harvard University Press, 1964. 298 p.
- Лян Ци-чао* 梁启超. Циндай сюэшун гайлунь (Очерк учений династии Цин,清代学术概论) / Предисл. Чжу Вэй-чэна (朱维铮导读). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1998. 112 с.
- Юй Ин-ши* 余英时. Лунь Дай Чжэнь юй Чжан Сюэ-чэн: Цин дай чжунци сюэшун сысян ши яньцзю (Дай Чжэнь и Чжан Сюэ-чэн: исследование истории идей учёных середины Цинской династии, 論戴震與章學誠: 清代中期學術思想史研究). Сянган: Лунмэнь шудянь, 1976. 373 с.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, кандидат историч. наук, доцент кафедры истории и культуры стран Востока Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета; dmitrymartynov80@mail.ru